

койствие всё-таки лучше всего на свете". Припудрим покрасневший носик и уложим вспорхнувшее чувство, как ненароком выбившийся локон!

Теперь присмотримся к Желткову. Он надел на себя бутафорские доспехи Дон Кихота, хотя ему больше подошёл бы халат Обломова, поскольку его любовь есть не что иное, как разновидность обломовщины, заботливо укутанной в тогу сентиментальной выпренности. Желтков готов служить своему идеалу самоотречённо и самозабвенно, потому что реальной жизни он служить не может. "Образ благородного рыцаря, страдающего ради своей возлюбленной, — прежде всего мужское представление, то, каким мужчина хочет сам себя видеть", — писал Й.Хейзинга. Телеграфист прекрасно знает о том, что его чувство безответно, да ему и не нужна ОНА, ему нужно страдание, которое заполняет смыслом его жизнь. Тут не исцеляющая душу мука, не возвышенное самоотречение, а наркотическое снадобье для перелётов в иные миры. Позволим себе ещё одну цитату: "...Безнадёжность и составляла главный предмет лирики трубадуров. Любовь вдохновенного поэта далеко не всегда оказывалась взаимной и только в редких случаях завершалась близостью. Таков был закон рыцарской верности, предполагавший максимальную идеализацию чувства и желательнее более полный отказ от плотского наслаждения" (О.Андреева). Обломову тоже сладко грезилось о любимой, но бесплотное, бескорыстное любование закономерно подошло к тому моменту, когда нужно делать предложение, когда в дом нужно было привести не покорного вдохновению призрака, а реальную женщину, возжелавшую ему нарожать сопливых детей, которые своим рёвом распугают всех фантомных харит. А это та самая жизнь, которая "трогает, везде достаёт", и от её холодной правды в ужасе отшатывается блаженный мечтатель. Его любовь — это не любовь, а её обесцвеченный образ, из которого с брезгливым фырканьем выпарили всё, что пахнет жизнью. Тощий, сухопарый телеграфист тоже избегает реальности, её толчков, её ударов, её нудного "одного и того же". Придуманная любовь — это картонный щит, которым можно закрываться от натиска банальности. Но у сердца своя логика — логика Фаэтона, который взлетел к солнцу, уже пора остановиться, но крылья несут всё выше и выше к огненным лучам, и катастрофа неизбежна. Таков путь романтика, забывшего о том, что "там не будет вечно здесь". Желтков посылает свой гранатовый браслет. Нежное благоухание "сиреневой ветки" рассеивается, выстрел раздался раньше, чем он взвёл курок. Есть жизненный срок у человека, есть свой жизненный срок и у призрака. Посланный браслет — это не столько выражение любви Желткова, сколько отражение его усталости. Совершенно правильно предупреждал Стефан Цвейг: "Нет ничего опаснее для романтика, чем

слишком близко приблизиться к идеалу..." Но как найти ту грань, которую нельзя переступить?! Подарок Желткова — это бессознательное, безотчётное, но долгожданное прощание с "призраком". Чтобы идеал навсегда пропал, надо сделать так, чтобы он к вам явился в своем реальном воплощении. Как раз эту встречу мечты и реальности устраивает Желтков. От мечты устал, а живая княгиня ему не нужна. Дело не в том, что Желтков боится разочарований: вдруг княгиня Шеина в реальности окажется хуже, чем княгиня Шеина, созданная мечтой идеалиста. Дело в том, что человек, способный боготворить женщину, зачастую не может после себя вымыть грязную тарелку или сбежать в аптеку за таблеткой для приболевшей жены. "Служенье муз не терпит суеты..." Парадокс в том, что для тех, кто боится жизни, трепетное согласие возлюбленной страшнее, чем её суровый отказ. Человек, который не совсем готов отвечать за себя, тем более не сможет отвечать за другого, поэтому лучше уж пусть ОНА останется "мимолётным виденьем", хорошо жить с "гением чистой красоты"; ещё лучше о ней мечтать.

Кстати, если пофантазировать! Что было бы, если бы княгиня поверила в то, что нашла идеальную любовь, решила бы по примеру тургеневских девушек вложить свою нежную ладошку в руку её романтического избранника? Мы бы увидели либо смущённо покрасневшего Рудина, либо услышали бы прямодушную отповедь Зинаиды Фёдоровны, персонажа повести А.Чехова «Рассказ неизвестного человека», которая сбежала с тем, кто обещал наполнить её жизнь подлинными идеалами: "Все эти ваши прекрасные идеи, я вижу, сводятся к одному неизбежному, необходимому шагу: я должна сделаться вашей любовницей. Вот что нужно. Носиться с идеями и не быть любовницей честнейшего, идейнейшего человека — значит не понимать идей".

Таков печальный итог всего, что пуще огня боится реальности. Всё, что кажется необыкновенным, на самом деле оказывается самым обычным — к этой незатейливой сентенции сводится так называемая житейская мудрость. И реальная история, которую Куприн использовал в качестве материала для своего рассказа, простодушно воплощает справедливость этой формулы: реальный прототип Желткова, строго предупреждённый мужем его возлюбленной, тут же прекратил бомбардировать чужую жену своими посланиями. Всё вернулось на свои места: идеалы — в небесную келью, а реальность — на промёрзшую землю.

Мелодраматический финал, приделанный Куприным, должен, по мысли писателя, возвысить чувство, показать святость любви. Существование любви удостоверяется не побеждённой её силой обыденностью, а победившей её смертью. Но эта смерть доказывает только одно: